

Общие проблемы
политической концептологии

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР
В ПОСТСОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ:
УСЛОВИЯ ЗАДАЧИ**

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматриваются идеологические, концептуальные и политические условия обсуждения проблемы цивилизационного выбора России. Интерес к проблеме связывается с реабилитацией идеологии как таковой в общем цикле синусоидальных изменений отношения к идеологии. Подчеркивается необходимость учитывать новейшие форматы идеологического: теневую, латентную и «проникающую» идеологию, включая идеологическое бессознательное. Особое значение в этом контексте придаётся недискурсивным формам объективации выбора, например, в системе монументальной пропаганды («памятники не врут»). Дискурс «цивилизационного выбора» рассматривается как идеологическая метафора, как иносказание о политически наболевшем, как косвенная презентация проектов, прямо выступать с которыми неловко, контрпродуктивно или просто опасно. Критикуется позиция «бегство от себя», когда выбор акцентирует проблемы прошлого или будущего, обходя острые ситуации настоящего. Важнейшей проблемой такого рода является кризис и стратегическая обреченность нефтедобывающая цивилизация. В качестве устаревшей критикуется сама категориальная сетка обсуждения проблемы, нерелевантность в постсовременных условиях таких понятий, как «Восток» и «Запад», «прогресс» и «регресс», самих представлений о роли посредника между цивилизациями.

Ключевые слова: цивилизации, политическая метафорика, история и выбор как формы иносказания, теневая и латентная идеология, управление идеологической повесткой, «политика памятников», постмодерн, «нефтедобывающая цивилизация», кризис ресурсной модели.

Поиск пути — третья беда России. Лучшие умы постоянно ищут дорогу, оттачивая мысль и разрушая покрытие. Сейчас судьба цивилизации вновь в центре внимания, и это диагноз не только состояния мозгов, но и положения дел. Страна опять заблудилась на развилке, что, вообще говоря, непросто. Пути России обозначают академические издания, выступления лидеров и другие программные документы, но версии слишком изменчивы и противоречивы. В дискуссиях без видимого конца и шансов на консенсус постановка вопросов

бывает важнее ответов. Поэтому первая в цикле статей про цивилизационный выбор — об «условиях задачи»¹.

1. Идеологические циклы (вместо предисловия)

Проблема места в мире и в истории — главная забота российского самосознания, если и вытесняемая злобой дня, то в одном пакете с философией в целом и мировоззрением как таковым. Сейчас тема цивилизационного выбора вновь возвышает нас до понятия «исторической нации». Вопросом живо интересуются идеологический официоз и цвет отечественной науки. Русская идея определяет мировоззрение целых категорий госслужащих — дипломатов и депутатов, военных, силовиков и журналистов, а также администрации. Проблемой озадачены независимые интеллектуалы и замороженная масса — «народ» как носитель несокрушимого здравого смысла и немислимых фантазий. Тему обсуждают на саммитах, конгрессах, форумах и в ток-шоу с рейтингом не хуже передач про разводы звёзд. Это заказ одновременно и государственный, и социальный. Тем более важно отличать здесь спецзадание от живой реакции на вызовы времени, по многим признакам уже ставшие критичными.

Большая синусоида

График метаний между высокими идеями и бытовым практицизмом воспроизводит колебательную траекторию. Начиная с рубежа 2000-х – 2010-х годов наращиваются уже неприкрытые попытки реабилитировать идеологию как форму сознания, ментальности и социальной регуляции. Идеологическое заново внедряют во все сферы жизни, от централизованного управления сознанием и психикой до регулирования отношений в экономике и социуме. За всем этим маячит тень советской модели, в которой даже материальное производство (наряду со школой, больницей, армией и системой обслуживания) было не столько изготовлением хлеба, спутников, гвоздей и причёсок, сколько производством правильного «советского человека», его образа жизни и мыслей. Сейчас это называется «электорат», хотя в нашем случае правильнее говорить не о субъекте выбора, но о пассивной массе — сырье для изготовления рейтингов и «мнения». Массовое производство лояльности, в первую очередь идеологической — основа консолидации существующего порядка, все более тяготеющего к вырожденной и нестандартной, но все же идеократии.

Однако это лишь одна из фаз большого цикла. Нынешнему ренессансу идеологии предшествовал не менее выразительный период с прямо противоположной — «контридеологической» (Э.Ю. Соловьев) установкой. Под знаком одновременно спонтанной и управляемой деидеологизации прошёл весь финал XX века: уходящее столетие увлекало за собой идеологию, а распад идеологии в качестве ответной меры добивал режим и саму эпоху. Освобождение от идеологического диктата было важнейшей составляющей «российского транзита» в двух основных его стадиях: сначала саморазрушения и демонтажа советской модели, а затем первичного оформления нового, постсоветского социума.

Долгое время казалось, что вектор устойчив и цикл близок к завершению. В 1980-е годы в СССР была подорвана монополия государства на производство, обмен (распространение) и расширенное воспроизводство идеологии; затем в 1990-е годы идейные и институциональные устои советского подобия идеократии оказались и вовсе разрушены. Горизонт общенациональной полемики не поднимался выше осуждения «оккупационного режима».

¹ Далее в этой серии подготовлены статьи, посвящённые «ложным целям» и «расписанию на послезавтра».

О цивилизациях речи не было, выбор понимался как оперативный и политический. Попытки в ельцинский период что-то идеологическое восстановить, пусть в новом качестве, выглядели обреченными, даже если бы не были такими неловкими. История с «национальной идеей» возбудила всех, но извне смотрелась как агония, усугублённая неправильными родовыми схватками².

При всех недоделках деидеологизации её положительные эффекты неоспоримы. Прежде всего это ограничение практик «прореживания дискурса» — интеллектуального аналога ограничений на въезд/выезд. Подлинной революцией стало ослабление, а затем и отмена цензуры, расформирование «идеологического Госплана» вкупе с развитой системой спецраспределителей идеологии. Начиная с этого момента обществом активно осваивается сегмент социально-политической теории, ранее не входивший в канон. Были заново либо впервые прочитаны представители так называемой идеалистической и религиозной русской философии, легально вскрыты целые пласты когда-то гонимой философии зарубежной. Все эти открытия слишком на слуху, чтобы их здесь перечислять даже в качестве примеров. Параллельно шло освоение зарубежной классики, связанной с общей теорией цивилизационных процессов и мирсистемными представлениями, теорий среднего уровня, а также более конкретных исследований и проектов. Таким образом, в этой начальной деидеологизации надо видеть освобождение от засилья идеологии, но и очередную «смену вех».

Нельзя не отметить взлёта собственной неподцензурной активности в стране. Это был период профессионального ажиотажа и авторской песни в массовой идеологической самодельности. Этот период связывают с понятием «идеологического вакуума», что представляется крайне неточным. Скорее речь здесь должна идти о «кризисе перепроизводства» идей. Ощущение вакуума в большей степени было связано с неспособностью растерянного сознания ориентироваться в этом массиве идей и текстов, делать выбор на основании каких-либо базисных представлений и понятных критериев. Пусто было в «корзине» отбора «личных кабинетов» — но не в самом предложении. Типичная иллюзия деидеологизации: при всех эффектах раскрепощения до сих пор сохраняется главная метаидеологическая установка — если идеологии нет в качестве единой и общей для всех, а лучше государственной, значит, её нет вообще.

Далее на том же витке синусоиды наступила новая, более глубокая фаза деидеологизации, коснувшаяся уже не только госидеологии, но и самого отношения общества к особо крупным, вселенским темам. В 1990-е годы этот процесс обмирщения мысли был обусловлен понятной в то время концентрацией людей на проблемах выживания. Затем, в период

---

² Вопреки общему мнению проект с самого начала не ставил себе задачей сочинение национальной идеи — ни в форме слогана, ни в виде текста. Мифу о «написании Идеи на коленке» способствовал тот провоцирующий факт, что темой занималась дислоцированная в «Волыньское-2» команда консультантов Администрации президента (координатором группы в то время бы автор). Речь шла о сопровождении более или менее спонтанного процесса, запущенного известным призывом и вызвавшего, при всей язвительности комментариев, немалый энтузиазм, в том числе независимом экспертном сообществе и в академических кругах. Проект выявил неожиданную готовность близкой к идеологическим дисциплинам научной и околонаучной среды генерировать программы и формулы. Особой популярностью пользовались идеологические трехчлены — аналоги великой уваровской триады («Православие, самодержавие, народность»). В отсутствие инстанции, от которой любая такого рода идея могла бы исходить как морально-политически легитимная идеологически легитимная, выявилась весьма слабая готовность общества воспринимать что-либо узнаваемо идеологическое по форме и по сути — своего рода идеологическая идиосинкразия. Тем не менее, уже в данном проекте удалось до известной степени расширить и скорректировать представления об идеологическом в целом. Кроме того с использованием методологии «идеологического конструктора» (деконструкции массива текстов с разбиением на атомарные высказывания и последующей сборкой по единому оглавлению) было системно проработано общее состояние идейного комплекса, его основные содержательные конструкции, схемы и модули [См.: Баранов, Захваткин, Добровольский, Мирский, Рубцов 1997].

«стабильности», вступили в силу противоположные факторы: не от голода, так от первого подобия сытости. Безыдейность первой половины 2000-х разменяла вопросы философии и мировоззрения на еду, прикид и девайсы. Чтобы почувствовать это на материале, достаточно вспомнить грустную судьбу таких еще совсем недавно значимых явлений общественной жизни, как громкие дискуссии, властители дум, моральные авторитеты, лидеры общественного мнения, идейные откровения, толстые журналы, новые книги, сенсационные переводы... В идейной сфере не стало «событий».

Идеология без идеологии и институтов, или «Из света в тень перелетая...»

Сейчас остатки всей этой активности сконцентрированы в интеллектуальных резервациях. Так называемая «идеология-для-всех» осталась, но сменила форматы. Манипуляции идеологическим бессознательным осуществляются воздействием теневой, латентной, «проникающей» идеологии, с другими мишенями в сознании и в идеологическом бессознательном, с принципиально иной, хорошо закамуфлированной институциональной базой. В необъявленной войне за идеи — ещё холодной, но уже гражданской — против мирного населения выступают отряды специально обученных бойцов идеологического фронта, но при этом глубоко законспирированное государство-идеолог ведёт себя как партизан на своей же территории или как подпольщик с выделенной статьёй в госбюджете. Это непривычно, но действительно: в условиях постмодерна массовые, но невидимые диверсии и точечные теракты намного эффективнее действий регулярных сил на открытых плацдармах.

Парадоксальная ситуация: государство в сфере идеологии ничего не делает, но побеждает. Официальная власть нигде прямо не заявляет о реабилитации Сталина и сталинизма и даже на высшем уровне формально, символическим ресурсом и деньгами поддерживает музеи и мемориалы жертвам репрессий. Однако ресталинизация как общий тренд набирает обороты и не надо делать вид, что это самопроизвольный процесс, к которому государство не имеет никакого отношения. Государственная идеология «ушла в леса», и теперь дело власти создавать себе алиби и рассылать закрытые директивы, спуская главное на уровень низовой инициативы. Путин открывает «Стену скорби», бойцы из Минюста терроризируют «Мемориал», а нанятые отморозки срывают детский конкурс на лучшее сочинение по истории Родины.

Все это лишний раз доказывает, что при всей своей неоспоримой значимости эффекты «освобождения от диктата идеологии» оказались во многом поверхностными. Более того, изменения не стали необратимыми даже в организационном плане. Уже к началу 2010-х, накануне обратной президентской «рокировки», власть всерьёз взялась за обработку массового сознания с конструированием подобия государственной идеологии и духовным производством конвейерного типа. Проблема цивилизационного выбора, естественно, оказывается здесь не на последнем месте, тем более, что при должном умении она маскирует многие крайне неприятные для власти вызовы. Путешествия в просторах великой истории и культуры вытеснили такие местные «банальности», как тупик сырьевой экономики, сидение на «нефтяной игле», обреченность ресурсной модели и опасные морально-политические трансформации режима. Как ни парадоксально, тема «выбора» разменяла даже проблему российской модернизации (хотя в общем виде эти темы неразрывно связаны). Цивилизация минус модернизация — самая оригинальная на начало XXI века концептуальная находка.

Акценты на проблеме выбора именно в этой, предельно расширенной и завышенной модальности обусловлены также сосредоточением российской идеологии и пропаганды вокруг внешней политики и взаимоотношений страны с миром. Накачиваемые вовне симулякры «величия» и «влияния» отвлекают от внутренних провалов и компенсируют связанные с

ними социально-психологические комплексы. Страна, если и «встаёт с колен», то в мифологии взаимоотношений с Западом; во внутренней политике, наоборот, целенаправленно и в полную силу культивируется низкопоклонство, унижительный конформизм и неприличное холопство, в том числе «элитное» и «барское».

Кроме того конфликт с Западом и риторика переориентации на Восток актуализируют проблему цивилизованного выбора России в совершенно определенном ключе. Поскольку вхождение в состав евроатлантического «концерта» по ряду причин не состоялось, приходится искать другие опорные точки, в том числе в сфере идей — в трактатах по истории и на картах мира. При этом обоснование любого геостратегического выбора, сделанного оперативно и без лишней рефлексии, выдвигается задним числом, как решение не смысловой, а откровенно идеологической задачи. Сплошь и рядом это попытки имитировать владение ситуацией и собой, реконструировать план, которого не было, и смысл, которого нет. Сначала классический для эскадры и целого флота разворот «все вдруг» — а уже потом взгляд на приборы и лощи.

В освоении темы выбора сказываются нарциссические проявления в психопатологии режима и социума. Представление о России как о самостоятельной цивилизации, соразмерной таким модулям, как Запад и Восток или Европа и Азия (Евразия), явно льстит национальному самомнению великороссов. Россия в таком отношении к себе не одинока (в «зеркале мира» государства и нации за редкими исключениями все нарциссы), однако в нашем случае все же есть особенности в характере любимого отражения, масштабах бедствия, частоте и силе обострений.

Как уже подчеркивалось, сам поиск пути цивилизационного развития прямо связан с вопросом о модернизации, и это ещё одна наша недавняя «петля». С некоторых пор само слово «модернизация» практически вытеснено из лексического оборота, о чем далее будет говориться специально. Здесь же достаточно напомнить, что такие вызовы, как острая потребность в «догоняющей» (как это ни прискорбно для многих) модернизации, сами не расщиваются: дефицит времени нарастает с каждым потерянным годом. Поэтому даже официальная риторика вынуждена к теме модернизации возвращаться хотя бы в иносказательных формах — цифровой экономики, роботизации, искусственного интеллекта и пр. Как бы там ни было, проблема вновь актуальна в разных своих ипостасях: и в осмыслении процесса цивилизации как «движения к цивилизованности», и во встраивании страны в общий мировой контекст. Эти две составляющие — процессуальная и системная, диахрония и синхрония — вообще редко рассматриваются вместе и во взаимосвязи, что само по себе открывает дополнительные возможности анализа и развития темы. Если иметь в виду график синусоиды, можно предположить, в каком направлении будет разворачиваться тема цивилизационного выбора завтра и послезавтра — вопрос лишь в локализации «точки витка».

* * *

Предлагаемый далее материал первоначально собран на базе первых статей из серии публикаций о цивилизационном выборе в газете «Ведомости»³. Это объясняет некоторую публицистичность формы, не отменяющую, впрочем, научной ответственности за аргументы и выводы. Естественно, материал здесь существенно доработан и расширен. Для обозрения более широкого контекста, помимо статей автора в научных и массовых изданиях, полезны и более общие работы: книги⁴ и доклады в рамках Института современного развития (ИН-

---

³ Цикл статей в газете «Ведомости»: Цивилизационный выбор: здесь и сейчас (27.06.2018); Цивилизационный выбор: вызов и ответ (8.07.2018); Цивилизационный выбор: модерн и постмодерн (13.07.2018); Цивилизационный выбор: империя духа (22.07.2018); Цивилизационный выбор: расписание на послезавтра (08.2018).

СОР)⁵, Комитета гражданских инициатив (КГИ) и Вольного исторического общества (ВИО)⁶. С темой цивилизационного выбора связаны также исследования по теории идеологии и анализу идеологических процессов, но это уже отдельная библиография⁷.

2. Выбор России: здесь и сейчас

Обсуждению темы мешает её помпезность и крайне широкий разброс идей. Громкие имена и фразы путешествуют из текста в текст, тасуя набор штампов про Запад и Восток, Россию, Европу и особый путь. Пантеон от Тютчева и Данилевского до Шпенглера, Тойнби, Хантингтона и Валлерстайна зацитирован до дыр, и выступать со всеми этими общими местами вне перегретого спора уже просто неловко. Отсюда излюбленный для данной темы жанр — бескомпромиссная полемика (если не обычная компиляция, чего тоже хватает, при всём уважении к задачам просветительства). Все эти нагромождения мудрости и образцов стиля часто помогают не столько найти искомые ответы, сколько уйти от неудобных вопросов. Высоты и глубины мысли изящно уводят разговор от того главного, что сейчас делает проблему цивилизационного выбора, во-первых, критичной по задачам и срокам, а во-вторых, если и решаемой в нашей ситуации и в наше время, то уже в совсем других альтернативах, чем 20–30 лет назад.

Следы подавленных желаний

Цивилизационные модели, как и исторические реконструкции, работают в идеологических процессах как гигантские метафоры — иносказания о политически наиболее болезненном. Сплошь и рядом такие повествования не столько свидетельствуют о прошлом, сколько оправдывают реалии настоящего и проекты будущего. Однако здесь нет повода для торжества сторонников сакрализации мифов и другого вмешательства политики в историю. Вообще говоря, это дурной тон и плохой знак: в окольной легитимации через метафорику нуждаются проекты, открыто выступать с которыми неловко, опасно или просто контрпродуктивно. В противном случае политические «вещи» называют своими именами, не прячась за исторические аналогии, рассуждения о цивилизационных кодах, культурных генах, заговорах и т. п.

Глубокая метафоризация свойственна языку не только политики⁸, но здесь избегание «прямой речи» часто приобретает злостный характер. «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли» — этот афоризм Талейрана в сфере идеологического справедлив вдвойне. В тяжелых случаях реальный политический выбор, зачастую сиюминутный и конъюнктурный,

⁴ См.: Рубцов, Богословский 2007; Рубцов, Богословский 2008; Рубцов 2009; Рубцов, Любимова, Сыродеева 2017.

⁵ См.: Россия... 2010.; Обретение... 2011.

⁶ См.: Какое... 2017.

⁷ См., в частности: Философия... 2018.

⁸ В общем виде Рудольф Дрейкурс назвал бы нечто подобное «скрытыми целями», Д.Н. Узнадзе — «установкой», а К. С. Станиславский — «сверхзадачей». Более того, такого рода явная или неявная метафорика неотъемлема от любой речи (ср. «гул языка» у Роланда Барта, концепции речи Жака Деррида или Жака Лакана — «интерпретация до конца не интерпретируемого, но вызывающего к интерпретации»). Иной подход, но с тем же примерно результатом работает в когнитивистике, конкретнее в когнитивной теории метафоры [МакКормак 1990; Лакофф, Джонсон 2004]. Однако в нашем случае приходится иметь дело с куда более грубыми, первичными различиями буквализма и метафоры, в которых иносказание как политический приём резко выделяется на общем коммуникационном фоне. Иначе говоря, универсализм явления речевой и собственно политической метафоры не только не означает уравнивания разных его реализаций, но и допускает их противопоставление друг другу.

не только обосновывают, но и упаковывают как выбор цивилизационный. Стране и миру объявляют, что Россия не Европа, что это отдельная цивилизация, вечная империя и т. п., но этот взгляд высоко и вдаль не мешает косить на здравствующее начальство и заглядываться на еще не совсем увядшие прелести кнута и самовластья. Либо делают вид, что этой связи нет или её видят. Не опешлят же разговор о судьбе и миссии России садистскими реалиями законотворчества, правоприменения и исполнения наказаний, государственным рэккетом, фабрикацией дел, голодовками и реальными сроками детям за перепосты в сетях...

Начинать анализ с политических иносказаний приходится ещё и потому, что именно здесь, а не в прямых декларациях проступают контуры цивилизационного выбора, как он есть не на словах, а в деле. Точнее, здесь сопрягаются две метафоры, два больших тропа: риторика цивилизационного выбора (например, между Западом и Востоком) работает как иносказание выбора политического (например, между подконтрольной властью и диктатом), но в то же самое время этот недекларируемый, но реализуемый выбор и сам прячется за иносказаниями, только уже необязательно цивилизационными. Эти метафоры второго порядка могут быть в том числе историографическими и пластическими, артикулируемыми в текстах, монументах и других форматах псевдонауки и якобы искусства. При этом памятники и прочие составляющие материальной цивилизации и монументальной пропаганды, как правило, точнее и честнее в выражении истинных интенций политики, идеологии и реального цивилизационного выбора, чем вербальные высказывания. Статуи не лгут.

Метафоры дискурсивные и пластические (взгляд из окна)

В таких процессах и действиях самое простое, напрашивающееся, но и самое разоблачительное — перестановки в пантеоне и другие манипуляции с национальными символами. Персоналистские режимы особенно тяготеют к персонализации истории и всякого рода символики. Здесь политические метафоры бывают многослойными, то есть могут включать иносказания не только второго, но и третьего порядка, и даже более того. В тяжелых случаях «иносказания иносказаний» и «метафоры метафор» надстраиваются целыми этажами. Так, ползучая ресталинизация выходит за рамки конкретного имени, подспудно обеляя диктат, насилие и культ как таковые, но пока страна не созрела до монументов отцу народов, в качестве политического псевдонима Сталина увековечивают высветленный образ Ивана Грозного. При этом сам Грозный, являющийся именем всякой опричнины и политического кровопролития, одновременно символизирует одну из точек бифуркации — поворот в политической истории страны, который в ряде авторитетных концепций считается историческим и даже цивилизационным.

Искусственно наращиваемая метафорика сама нуждается в идеологическом сопровождении, часто весьма громоздком и рискованном. В ситуации с Грозным бросается в глаза политический и одновременно этический казус: памятник кровавому извергу впервые в истории самодержавия и тоталитаризма воздвигнут... в новой, свободной России, на пике российской свободы и цивилизованности⁹. Таким проколом соответствует художественный уровень произведения, сомнительный в плане и лепки, и сценария композиции, её символики и легенды. Литературщина, прямолинейность, знаковый натурализм и символический буквализм в пластике вообще преследуются, но в данном случае они вовсе карикатурны¹⁰. Опыт

⁹ Событие обставляется торжественно и в русле государственной культурной политики, при поддержке графомана с мутной диссертацией, в присутствии вездесущего байкера и местного губернатора, уверенного, что сын Ивана IV царевич Иван умер от болезни по дороге в Петербург.

¹⁰ Не говоря о профессионально-эстетических проблемах изваяния, отлитого на Московском заводе электро-механической аппаратуры, издали поражает сама поза героя. Сидя верхом на коне, человек балансирует рас-

показывает, что этически спорные деяния часто оказываются ещё и весьма корявыми в исполнении: слово «некрасиво» не зря имеет ещё и этический смысл.

В корреляции качества художественной работы с качеством работы идеологической есть своя закономерность. Сказываются последствия отбора человеческого материала (в том числе в идеологи, монументалисты, литераторы и т. п.) по критериям лояльности, конформизма и природной проходимости. Плюс клановые и сугубо личные связи, в отдельных случаях гарантирующие блат и откат. Эту идеологию обслуживает весьма специфическая экономика и бухгалтерия.

О таких категориях, как культурно-исторический такт, говорить и вовсе не приходится. Памятник Грозному выглядит как невоспитанный, вызывающий жест, которым группа любителей идеологической самодеятельности ставит на место плеяду высших духовных авторитетов России, политических философов и историков-летописцев, оценивавших фигуру Ивана IV крайне негативно и даже мысли не допускавших о таком изваянии.

Наконец, в оправдании политического садизма этим монументальным актом превзойдён сам Сталин. Вождь был известен особо тёплыми чувствами к своему прототипу из XIV века, но и то ограничился почти черно-белым фильмом Эйзенштейна¹¹. Кроме того известно, что Сталин реабилитировал Грозного далеко не сразу. Однако и в начале путинского правления тоже вряд ли можно было хотя бы дернуться с идеей памятника царю опричнины и смуты. А теперь можно. Сталин возвышает Грозного, своё правление пройдя до половины, но и сам Грозный из реформатора и собирателя превращается в деспота примерно в «полдень» своего царствования. Путин в своей творческой биографии тоже переживает серьёзную эволюцию. Такие параллели идеологический эскорт обязан купировать, тем более не увековечивая подобных аналогий в камне.

Во исполнение того же плана монументальной пропаганды памятник кн. Владимиру впервые в истории государства российского поставлен в центре столицы, на въезде в Кремль – «по пути на работу». Сделано это без разъяснений, в силу каких исторических заслуг именно нынешнее поколение берется за то, от чего веками воздерживались самодер-

---

топыренными руками, в одной из которых устремлённый к небу крест, а в другой — указующий в землю меч. Тут проблемы даже не с вольтижировкой, а с политическим смыслом. Символика жестов Платона и Аристотеля из «Афинской школы» экономно совмещена в одинокой фигуре всадника с брошенными поводьями на неуправляемой лошади в позе регулировщика, у которого обе руки заняты указующими «жезлами», заимствованными из атрибутики веры и вооружения. Надо было всего лишь набрать в Google «конные памятники мира: картинки» и убедиться, что нет ни одного, где рука всадника не держала бы поводья или не была рядом на гриве или шее. В таком состоянии невозможно ни ехать, ни слезть без посторонней помощи, что явно намекает на сложное положение власти в России. Вряд ли авторы монумента и принимавшие его комиссии имели в виду подобные коннотации, но сильные аналогии читаются в подлинном искусстве независимо от идейно-политических установок авторов и кураторов.

¹¹ Восстановление исторической справедливости приобретает в наше время необычные формы. В одной из базовых поисковых систем шедевр Эйзенштейна представлен так: «Это фильм о человеке, который в XVI столетии впервые объединил нашу страну и из отдельных разобщенных и своекорыстных княжеств создал единое мощное государство...». Борцы за историческую правду под влиянием конъюнктуры путают Ивана Васильевича IV с Иваном Васильевичем III, действительно создавшим российское централизованное государство и в монаршей титулатуре уже тогда именовавшимся как «Иоанн, Божьей милостью государь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Югорский и Болгарский и иных». Это именно он прозван Великим и удостоен одноимённой колокольни в Кремле, а также почетного места на верхнем, самом почетном ярусе монумента «Тысячелетие России» в Великом Новгороде (на котором Иван IV по морально-этическим соображениям отсутствует вовсе). Тут все связано во времени: фильм об Иване Грозном снимали в военное время, и еду на столах смазывали керосином, предохраняя от голодных актеров и obsługi (прототип уничтожения санкционных деликатесов). Говоря в целом, обращение к фигуре царя опричнины может быть воспринято и сечам в качестве знака конкретного цивилизационного выбора с известными моральными устоями и техниками консолидации.

жавие и церковь, судя по всему, умевшее ценить заслуги перед православием и государством. Этот проект также отягощён нежелательными коннотациями: житие князя — хрестоматийное свидетельство того, как дела во славу Веры и Отечества искупают любое грехопадение — коварство, ложь, насилие, грабежи и убийства, в которых будущий святой преуспел более, чем кто-либо в то время. Вряд ли кому-то во власти нужны ещё и эти слишком выпуклые параллели¹².

В этом проекте проступает и более сложный — сакральный интерес. Ваять статуи и фильмы про равноапостольного святого вынуждает дефицит собственной сакральности власти, ищущей знаки духовной опоры в прошлом. Затыкается дыра в священной истории режима, образованная отказом РПЦ канонизировать Ивана IV. Лакуна не заполняется даже св. Александром Невским с его недостаточной внятной политической идентичностью и отсутствием компромата. Невского выше Грозного поднял даже Сталин, но не мы (менее близок?) Дыра не затыкается даже депутатскими идеями о том, что Сталин «был послан Богом, для того чтобы сохранить Россию». Двум тиранам явно недостаёт одного святого, и статус Владимира с непростой биографией здесь явно напрашивается.

Весь этот стиль отличает редкая самонадеянность. Поколение бесславных функционеров, само ровно ничего не свершившее, дерзает устранить несправедливость веков. Эти подвиги коммеморации будут записаны за нашим временем как перетряхивание пантеона с беспардонным насилием над моральной традицией и веками не нарушавшимся консенсусом по персонажам. очень инициативные, но безродные группы уже дважды исправляют ошибки дома Романовых и всех царей династии. То же с официальным прикрытием проектов. Погрязшие в скандалах госслужащие полагают себя мудрее патриархов и императоров, не понимавших, кого и как надлежит увековечить.

Наконец, в таких контекстах важны не только фигуры на постаментах, но и личный состав всех тех, кого проигнорировали. В истории страны не нашлось других имён, которые могли бы олицетворять цивилизационный выбор России в начале XXI века. В итоге кн. Владимир, Иван IV и Сталин уже стали триединым лицом правления — подобно Марксу, Энгельсу, Ленину на знамени ВКПб — КПСС. Это стмволично: фигуры и профили честнее свидетельствуют о реальном выборе, чем слова о принципах и ценностях.

Политология невозможного

Машины метафоризации через цивилизационный выбор с той же эффективностью работают в политическом конституировании и вербальном самоопределении. Когда исключена возможность прямо признать, а тем более законодательно оформить качественную трансформацию режима, приходится изъясняться метафорически, хотя, по сути, это те же признательные показания.

В таких контекстах особенно важно различать значение и смысл высказываний, аналитический экстенционал и политически заряженный интенционал. Сама по себе идея России как отдельного государства-цивилизации теоретически возможна и в общем виде опирается на ряд почти корректных аргументов. Однако в контексте утилитарно ориентированных прочтений идея отдельного государства-цивилизации, по сути, отделяет это государство прежде всего от собственной Конституции. В этой модели не выглядит аномальной практика, когда законы пишутся, как на Западе, но власти не писаны, «как на Востоке» (что тоже во многом доморощенный миф). В этой системе представлений власть в России генетически, «по вну-

¹² См. также: Искупление как сервис. О сакральной функции памятников извергам // Новая газета, 26.05.2017; Метафизика власти: Памятники и сборка нации // Ведомости, 21.08.2017; Странные памятники эпохи Путина // Московский комсомолец, 22.11.2017.

тренному закону» стоит над любой политической формой, хотя бы эта форма и была, как сейчас в Российской Федерации, прописана без какой-либо формально артикулированной и понятно читаемой самобытности. Писаному праву в этом политическом «самостояньи» противостоит не обычное право, а обычное бесправие.

Здесь также необходима деконструкции метафоры и реконструкция «подпольного» смысла. Если антиевропеизм и агрессивное евразийство в их нынешнем изводе обслуживают какую-то особую политическую мораль, её устои крайне желательным было бы сформулировать со всей идейной и человеческой прямоотой. Их важно было бы отчеканить без смягчающих оговорок, обычно вызываемых опасениями войти в прямой конфликт с Конституцией и тактикой вписывания в «цивилизацию» как в «цивилизованное сообщество». Эти уникальные системы целей, ценностей и принципов, было бы полезно сформулировать с предельной идеологической откровенностью, даже если что-то при этом будет балансировать на грани экстремизма или за этой гранью (в представлениях об экстремизме в равной мере может вписываться как критика власти, так и её отчаянная апология). К экстремальной апологетике требование идеологической прямолинейности относится в первую очередь: странно выглядят марширующие колонны, бойцы которых застенчиво прячут фюрер-принцип как фигу в кармане. Тем более недопустимы застенчивость и стыдливые увёртки в обосновании таких величественных концептов, как русский мир, государство-цивилизация, здоровый вождизм и цивилизованный культ, новая идеократия и центр цивилизационного притяжения. Подлинный, идейный империализм не может быть идеологически конфузливый и политически скользким. Поэтому самыми честными и правильными его выразителями являются не философствующие интерпретаторы и даже не политики и дипломаты, а полевые командиры.

В нынешних дискуссиях об особенностях «российской цивилизации» так же важно отличать констатацию от проекта и идеала, анализ от нормативной модели, исследование от установки. Тезис «Россия не Европа» может вполне правомерно ставить под сомнение наивный европеизм и не в меру оптимистичное западничество — но точно так же этот тезис может в политической модальности ставить под сомнение императивы свободы и права как таковые. Обычно увидеть эти различия не так сложно. Важно, из какого места человек говорит и что все эти построения значат, если самовыражаться прямой речью, без политических тропов и постмодернистской гибридности? Реконструкция смысла достигается деконструкцией метафоры. Означает ли эта неевропейская самобытность, что в отечественной традиции мучить и убивать своих — норма жизни и любых свершений, что государства в формате state, которое люди создавали бы сами и для себя, на этой священной земле никогда не было, нет и не будет и Иван Грозный мог не топить Новгород в крови?

То же относится к ориентирам в глобальной, мирсистемной теории. Если из всех этих идейных подражаний извлечь конкретную политическую программу, то как в присущих ей аутентичных понятиях должны именоваться субъекты этого государства-цивилизации: президент, повелитель, гранды, паши, асабии, сословия, касты, пополо, плебс? Наконец, надлежит ли в соответствии с вновь открытыми особыми свойствами российской цивилизации переписать Основной закон, и нужен ли он теперь вообще? Если же конституционные основы не оспаривать, то в чем именно и на каком языке может быть выражен пафос и смысл всей этой политической самобытности?

Как любил формулировать выдающийся эксперт в области идеологии Олег Вите, ответы на эти риторические вопросы могут быть только риторическими. И если их нельзя получить, их можно реконструировать. Их необходимо реконструировать в том числе на будущее, в котором вся эта философия в её предельных смыслах все равно будет аналитически разложена. Такие реконструкции уже сейчас необходимы не только обществу, но и власти.

Ее фиксация на проблеме «учебника истории» тем более требует понимания, какую карикатуру из всего этого уже завтра сделают злые потомки, которых ни купить, ни запугать.

Бегство от себя: ловушка «часов и карты»

В традициях отечественной философии цивилизационный выбор задан пересечением двух осей: исторического времени и политического пространства. Метания из прошлого в будущее (и обратно) и между Западом и Востоком — вечный крест России. Позади Иго, самодержавие, тоталитаризм — впереди будущее человечества и сверхновая цивилизация, которую якобы можно догнать не приходя в сознание, хоть ордой с хоругвями. Отсюда постоянно сменяющие друг друга рывки вперед и откаты назад со срывами в архаику.

Та же коллизия в политической географии: с одного бока Запад в ряду других цивилизаций, но и как синоним цивилизованности вообще; с другого — самими же додуманной и дорисованной Восток, родство с которым якобы оправдывает генетику деспотии и ГУЛАГа. Эти осевые противостояния и сейчас бурно обсуждаются — пусто лишь в самом перекрестке, в котором мы как раз и находимся. Затяжные экскурсы в философию истории, в теорию глобальных процессов и структур, в почти всеобщую хрестоматию отечественной и мировой философской и общественно-политической мысли — все это крайне интересно и полезно, но в реальности сплошь и рядом аккуратно уводит от настоящего времени и места.

Это объяснимо. Тем самым снимаются моральные и цензурные риски обсуждения целого ряда проблем, связанных с решениями, принимаемыми (или не принимаемыми) здесь и сейчас. В передаче на ОТР от 17.05.2018, специально посвященной теме цивилизационного выбора, было все: Европа Карла Великого и Петра Великого, демократия в Америке и Монголии, племена, когда-то впервые пришедшие на наши земли, — только не «взгляд из окна». Разговор никак не мог свернуть к главной проблеме — к неспособности принять давно перезревшие и именно цивилизационные решения. Наоборот, близкое пугает: условия текущего выбора воспринимаются как оголенный провод, к которому страшно подносить руку, не то что касаться.

Задача осложняется тем, что привычные контуры цивилизационной карты мира устарели ещё в прошлом веке. Взаимопроникновение цивилизаций отменяет школьную географию — этот глобус уже пропит. Сбылись слова великой баллады: «Но нет Востока, и Запада нет...». На западе уже давно нет того Запада, к которому до сих пор по инерции апеллируют отставшие полемисты. Но то же и с Востоком, который уже сейчас впитал в себя столько западного, что старые образы уже вообще ни на что не похожи. Вестернизация и ориентализация встретились таки «на краю земли» как «двое сильных», и в мире уже давно не стало тех полюсов, какие были во времена Киплинга¹³.

Не менее остры проблемы с «пропиской» — с определением места страны на контурной карте цивилизаций. В этой системе представлений о мире якобы срединная Россия часто выглядит менее западной, чем многие страны условного Востока, а впитывание Западом Востока намного опережает возможности нашей всемирной абсорбции. Когда Джордж Харрисон осваивал ситар, а Джон Кейдж — дзен, у нас самым восточным композитором был Арам Хачатурян. Если принять это как образ, то придётся признать, что с тех пор мы в целом мало продвинулись к идее, а тем более к практике синтеза. Постколониальная идеология,

¹³ Сентенция про то, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток — им не сойтись никогда» (в других переводах: «и вместе им никогда не сойтись»; «и с мест они не сойдут») уже навязла в зубах. Но достаточно прогнать эти слова через любой интернет-поисковик, чтобы увидеть, что большинство из обращений объясняет истинный смысл афоризма, заключающийся в продолжении: «Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род, / Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?»

наука и этика неслучайно возникли из самокритики Запада, а не из отечественной гордыни. И сейчас наша нарциссическая отзывчивость скорее питает скорее не синтез, а собственную архаику, отрезанную от времени и мира¹⁴.

То же с упованиями на особое положение и якобы вытекающую из него глобальную миссию России — быть перекрёстком цивилизаций, мостом, посредником. Все это имело смысл во времена прокладки торговых путей, походов и завоеваний, определявших маршруты движения культур и зоны их контакта. Сейчас эти координаты не имеют прежнего физического смысла и выглядят как механика твёрдых тел на фоне диффузии атомов. То же в философии: как подметил Эрих Соловьев на конгрессе в «East-West Center» в Гонолулу, американцы и китайцы сейчас так органично соединяют Дьюи с Конфуцием, что в посредниках им никто не нужен, тем более мы. Это общекультурный сдвиг, проявляющийся буквально во всём: бывшим посредникам теперь остаётся сидеть на обочине глобальной коммуникации, щёлкая клювом своей когда-то всемирной отзывчивости.

В наше время цивилизационный выбор реализуется в совсем другом проблемном пространстве и перед лицом других вызовов. Проблемы выживания страны решаются не отсылками к своей «колее» или к чужому заговору. Даже если бы историческая миссия и высшее предназначение России и состояли в том, чтобы «разобраться с Америкой», для этого нам сначала пришлось бы разобраться с собой, здесь и сейчас. Даже такая банальность, как цена на нефть, может во многом решить судьбу государства, едва ли не вся современность и цивилизованность которого импортированы на доходы от сырьевого экспорта. Но и никакой «смены вектора развития» и никакого «выхода из экспортно-сырьевого тупика» не произойдёт без понимания того, что здесь необходим сдвиг не просто технологический, экономический или даже политический, а именно цивилизационный. Уже пробовали — и не раз.

3. Вызовы и ответы

Для страны на развилке судьбоносных вопросов всего два: цивилизационный выбор и исторический вызов. Тойнби вообще считал, что цивилизации гибнут из-за неспособности ответить на вызовы времени [Тойнби 2016]. У нас в текущей дискуссии эти вопросы искусственно разделены. Выбор отнесён к большой истории (концепция «колеи») и глобальной конспирологии (теория «заговора» — войны всех против нас). Судьба российской цивилизации сведена к великой культуре и круговой обороне, тогда как вызовы, обусловленные внутренними проблемами, прагматикой и необходимостью собственной трансформации, задвинуты на задний план. Таков прежде всего вызов, связанный с обречённостью сырьевой экономики и ресурсной модели в целом и в нашей обозримой перспективе в особенности. Ещё совсем недавно так остро обсуждавшаяся проблема ресурсного социума и соответствующей традиции сейчас если и вспоминается, то с олимпийским спокойствием и философической задумчивостью. Все выглядит так, будто положение не критично, а время на размышление и действие ничем не ограничено. Если и дальше так понимать вызов, завтра на карте мира не окажется самого субъекта выбора.

¹⁴ Имея выдающуюся философию Востока и историю восточной философии, мы вынуждены подозревать, что до сих пор «своя» регулярная философия в России по форматам и установкам особой ориентализации не подверглась и по всем параметрам выглядит сейчас в целом более «западной», чем современная (точнее пост-современная) философия самого Запада.

Смена повестки

Лет 10 назад было высочайше провозглашено: обвал ресурсной модели — дело времени, под вопросом «само существование страны»¹⁵. Однако с некоторых пор эту проблему обходят как скорее техническую и к тому же непонятно как решаемую — если решаемую вообще.

Хочешь убить идею — сделай её лозунгом российского руководства. В 2008 году независимые и правительственные эксперты, редко в чем соглашавшиеся, вдруг в унисон сказали правду, признав необходимость форсированной модернизации. В этом созвучье слов живых была живая правда, но она быстро стала неудобной всем. Для власти всерьёз менять курс значило подрывать свои же основы, принципы функционирования и социальную базу — либо демонстрировать собственную недееспособность с риском выйти в тираж. Прогрессивные умы после «обратной рокировки» тоже отвернулись от проекта, который задним числом сочли «кремлевским» и к тому же проваленным. Однако если тему где-то заболтали, это не повод её игнорировать, особенно когда тебя к тому так выразительно подталкивают.

Власть не упустила случая лишний раз продемонстрировать, что она контролирует повестку — и она её сменила. Реальные, острейшие и именно стратегические проблемы страны оказались вытеснены наведённым блеском дипломатии и маленькой войной, победоносно завершаемой раз в квартал. Идеология перманентного триумфа изображает сплошные победы в прошлом и настоящем, будь то зоны ответственности ВКС, Спорткомитета или муниципального благоустройства. На взволнованную психику вся эта атмосфера действует как сильнодействующий анальгетик и седатив. И это объяснимый выбор стратегии: искусственно приподнять духовность проще, чем создать в реальности экономику собственных производств, инноваций и знания.

Нефтедобывающая цивилизация

Проект «смены вектора» был обречен уже в силу непонимания, что по масштабу задачи это не просто технологический, экономический или институциональный манёвр, а именно цивилизационный сдвиг. Процесс имел обещающее начало, но был brutally оборван. Все начиналось в Администрации в разговорах о необходимости преодоления технологического отставания. Потом выяснилось, что эта проблема не решается без трансформации экономики, а смена экономической модели требует работы с системой институтов. Следующим шагом было обсуждение вопроса о возможности (или невозможности) реформы экономики и институтов без преобразований в сфере политики — не теоретически и не вообще, а практически и именно в нашем контексте. Далее оставалось признать, что политика не меняется без изменения социальной сферы и идеологии, которые, в свою очередь, выводят на архетипы культуры и сознания, ментальности. Для полного представления о составе проекта оставалось только добавить в этот словарь слово «цивилизация».

Сейчас уже и наиболее прагматичным скептикам, не верящим в отвлечённые теории, ясно, что проблема глубже и общее, чем кажется. Она упирается не только в дефицит ответственности и политической воли, но прежде всего в мощные комплексы и инерции. Однако чтобы в полной мере это осознать, необходимо в самой ресурсной, экспортно-ориентированной модели увидеть не технологическую сборку, а особый цивилизационный тип.

Вопреки расхожим представлениям, сырьевая экономика не сводится к структуре экспорта. Она веками пропахивает глубокую колею в истории, сознании, политике и государ-

¹⁵ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 08.02.2008.

ственности¹⁶. В сырьевые отрасли и отрасли низкого передела превращается производство мозгов и знания, тоже экспортируемых в полусыром виде — но задаром. В определённых условиях и при типовой констелляции факторов сырьевое проклятье перерождается в проклятье институциональное и социокультурное, в итоге в цивилизационное. Если так хочется увидеть в России отдельную цивилизацию, то начинать придётся с характерных типов ресурсных отношений, сбыта и перераспределения, эксплуатации недр и «природных» запасов, включая людские. Это особый строй политики, культуры, менталитета, коллективной психологии, этики, социальной связи, господства и подчинения, наконец, самого отношения государства к человеку и человека к государству. Это совершенно отдельный способ в целом достаточно архаичного и примитивного воспроизводства жизни — каким бы постмодернистским обвесом все это ни было декорировано. Даже активная демографическая политика здесь вырождается в род «экстенсивного земледелия» и «политического животноводства».

Точно так же ориентация на креатив, экономику знания и человеческий капитал — тоже фронт движения особой, другой цивилизации. Сойтись с порождениями ресурсного социума этому сверхновому миру часто труднее, чем антропологу-постструктуралисту понять аборигена островной культуры. И разбудить к новой жизни традиционные и «примитивные» сообщества бывает проще, чем переломить в якобы современной великой стране вековую инерцию сбыта природных богатств — льна, пеньки, меха, леса, нефти, газа и некоторых металлов, а также эксплуатации недорогой живой силы, мускульной и интеллектуальной. Самолетопоклонника, выросшего на аэродроме из прутьев и соломы, ещё можно сделать нормальным пилотом, но когда недра заменяют целой нации мозги и руки, преодоление стереотипов постепенно все более затрудняется, а в итоге может казаться практически невозможным.

Такого рода тяга к архаизации в недоделанном модерне подтверждается наиболее резонансными проявлениями старого в новом. Россия сближается с Сирией не только применением ВКС, но и политической архаикой. Это почти не метафора: у нас асабии сырьевого кочевья захватывают и подчиняют себе стационарные поселения, подавляя местное производство. В этом смысле рассматривать новую Россию как недоделанный Запад можно лишь с очень большими и нелестными оговорками.

Когда речь идёт о разновременной сборке плохо совместимых цивилизационных типов, будто импортированных из разных эпох и регионов, приходится прилагать специальные усилия, чтобы не поддаваться соблазну внешней модернизации. Слишком легко и просто судить о «времени» такой культуры по современной упаковке. И наоборот: в сопоставлении типологических черт цивилизаций «восточного типа» и «нефтедобывающих» (в том числе, в российском изводе) совпадения полные: патернализм, патриархальность, доминация общины и государства над индивидом... далее по списку. Но есть и принципиальное отличие — в потенциале и возможной перспективе. Если азиатчина у нас от географии и «колеи», можно с большим или меньшим успехом доказывать, что мы и далее обречены со всем этим счастьем жить. Если же думать о судьбе нефтедобывающей цивилизации и перспективах её неизбежного ухода, то мы обречены с этим проклятьем умереть — или все же каким-то чудесным образом выскочить из экспортно-сырьевой традиции, из «колеи» злоупотребления всяким ресурсом, прежде всего человеческим.

¹⁶ См.: Эткинд 2013; Mitchell 2011.

Геометрия тупика

Именно поэтому сейчас нам так мешает старая географическая привязка цивилизаций, в которой даже в названиях господствует топонимика: Европа, Азия, Евразия... Если здесь работают имена собственные не народов (подобно «цивилизации инков»), то географических объектов. И если у того же Тойнби только на Востоке есть цивилизации китайская, тибетская, японская и проч., то и нам грех не иметь собственную цивилизацию — российскую. То, что её ставят вровень не с этническим масштабом, а с Европой и Азией, — вопрос нашей «скромности» либо «гордыни» (в терминах Данилевского). Или мегаломании (в терминах нарциссической психопатологии).

Ресурсная модель встроена в систему цивилизаций иначе — не «по месту» и не «в границах». Это образование системное, но не локальное, типологическое, но не топологическое, не монолитное, но рассредоточенное. Она может обнаруживаться фрагментарно, но может доминировать и подчинять себе социум, доводя ситуацию до почти чистой модели и критического предела.

Не срабатывает и старая модель восхождения, прогресса и регресса. Сама нефтедобыча в плане экономических, социально-политических, а в конечном счете и цивилизационных последствий по-разному встроена в современность. Достаточно вспомнить хотя бы для самого поверхностного сравнения: Россия, Венесуэла, Эмираты, США, Норвегия...

Ресурсная цивилизация (если говорить шире), как уже подчеркивалось, не привязана намертво к границам: это часть более сложной не только глобальной, но и внутристрановой сборки. Скорее это ближе к «идеальному типу» по Максиму Веберу. В одной стране возможно динамичное сосуществование цивилизаций ресурса и производства, сырья и инноваций. Иначе говоря, здесь более не работает принцип: одна страна — одна цивилизация. История нашей ресурсной модели не исключает подъема промышленности в дореволюционной России, почти автохтонных производств и полного научного комплекса в СССР, даже отдельных героических достижений учёных и промышленников в России постсоветской. В этом шанс на выход из «колеи», хотя он весьма мал, пока ресурсная цивилизация стремится к своему апогею.

Пока что страна несётся в тупик, разворачиваться в котором не будет ни времени, ни места. Ответы на вызов истории становятся все более самоуверенными, а постановки вопросов и понимание условий задачи — все менее ответственными.

Баранов А., Захваткин М., Добровольский Д., Мирский Э., Рубцов А. 1997. *Россия в поисках идеи*. — М.: Изд-во «Известия» Управления делами Администрации президента РФ.

Какое прошлое нужно будущему России... 2017. *Какое прошлое нужно будущему России*. — М.: Комитет гражданских инициатив. — Доступно: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/>. — Проверено: 31.07.2018.

Лакофф Д., Джонсон М. 2004. *Метафоры, которыми мы живём*. — М.: Едиториал УРСС. — 256 с.

МакКормак Э. 1990. Когнитивная теория метафоры. — *Теория метафоры*. — М.: Прогресс. — С. 358–386.

Обретение будущего. Стратегия 2012... 2011. *Обретение будущего. Стратегия 2012*. — М.: Библиотека Института современного развития. — Доступно: http://polit.ru/img/ggl/future2012_15_02_2011.pdf. — Проверено: 31.07.2018.

Путин В.В. 2008. *Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 08.02.2008.* — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>. — Проверено: 31.07.2018.

Россия XXI века. Образ желаемого завтра... 2010. *Россия XXI века. Образ желаемого завтра.* — М., Библиотека Института современного развития. — Доступно: http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf. — Проверено: 31.07.2018.

Рубцов А., Богословский С. 2007. *Мегaproект для России: идеология, политика, экономика.* — М.: Изд-во «Известия» Управления делами Администрации президента РФ. — Доступно: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Megaproject_kniga/main.html. — Проверено: 31.07.2018.

Рубцов А., Богословский С. 2008. *Мегaproект. О формате и контурах стратегии национального развития.* М.: Социум. — 48 с. — Доступно: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Megaproject_brosh/main.html. — Проверено: 31.07.2018.

Рубцов А.В. 2009. *Российская идентичность и вызов модернизации.* — М.: Библиотека Института современного развития. — 260 с.

Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А. 2017. *Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности.* — М.: ИФ РАН. — 244 с.

Тойнби А. 2016. *Подъем и падение цивилизаций.* — Тойнби А., Хантингтон С. *Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации.* — М.: ТД Алгоритм. — 288 с.

Философия и идеология: от Маркса до постмодерна... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна.* — М.: Прогресс-Традиция (в производстве).

Эткинд А.М. 2013. *Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве.* — *Неприкосновенный запас (/nz/).* — № 2(88). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/e16.html>. — Проверено: 31.07.2018.

Mitchell T. 2011. *Carbon Democracy: Political Power in the Age of Oil.* — London; New York: Verso. — Доступно: <https://www.amazon.com/Carbon-Democracy-Political-Power-Age/dp/1781681163>. — Проверено: 02.08.2018.